

ЛИНГВИСТИКА

Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору)

© доктор филологических наук В. В. Красных, 2001

Давайте задумаемся, что есть культура для каждого конкретного человека, как она хранится в его сознании, как фиксируется в языке и языковом сознании, как проявляется в поведении человека, в том числе в коммуникативном и речевом, как «реализуется» в дискурсе, обуславливая национально-культурную специфику последнего. Зачастую это «культурное содержание» не осознается и не рефлегируется самим представителем той или иной культуры. Все это создает дополнительные трудности при исследовании и описании базового культурного пласта, который является неотъемлемой частью структуры любого человека говорящего.

Попытаемся прежде всего понять и определить такое понятие, как *код культуры*, и посмотреть, как коды культуры фиксируются в языковом сознании и в языке и проявляются в дискурсе.

Код культуры может быть определен как «сетка», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и «кодируют».

Коды культуры как феномен универсальны по природе своей, свойственны человеку как *homo sapiens*. Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определенной культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированны и обуславливаются конкретной культурой. Очевидно, можно, хотя и очень осторожно, говорить о том, что условно универсальный характер носят также и некоторые базовые метафоры. Я имею в виду не конкретные метафоры, а некоторый тип, например, антропоморфные соматические метафоры, используемые для структуриации и описания окружающего мира¹. Однако подчеркну еще раз, что в данном случае можно говорить только об «условно», гипотетически возможных универсалиях, поскольку для более категоричного утверждения необходимы широкие моно- и межкультурные исследования.

¹ См., например, *Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago, 1990.*

Рассуждая о кодах культуры, мы должны иметь в виду, что исследователи говорят о различных кодах, таких, например, как анатомический, соматический, зооморфный, растительный, предметный, пищевой, аксиональный и т. д. Сейчас я мы очень коротко остановлюсь лишь на тех кодах, которые являются базовыми и соотносятся с архетипическими представлениями русской культуры, о тех кодах, в которых фиксированы наивные представления о мироздании. Таких кодов, на мой взгляд, по определению не может быть много. Выделим и будем иметь в виду следующие коды культуры:

1. соматический (телесный);
2. пространственный;
3. временной;
4. предметный;
5. биоморфный;
6. духовный.

Почему соматический код стоит на первом месте? Потому что он является, пожалуй, наиболее древним из существующих (хотя однозначно утверждать или опровергать это положение представляется едва ли возможным). Человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя. С этого же началась и окультурация человеком окружающего мира. В результате, завершив этот «герменевтический круг», человек пришел к необходимости опять познавать себя, но уже на другом этапе, на новом витке. Таким образом, в освоении мира человек совершил путь от самого себя к самому себе же. Иначе говоря, через осознание себя человек пришел к описанию мира, экстраполируя свои знания о себе самом на окружающую действительность (что и оказалось зафиксированным в соматическом коде культуры). Через окультурирование и осознание окружающего мира человек вернулся к описанию самого себя, «применяя», «примеряя» и «накладывая» на себя знания об окружающем мире.

Между кодами культуры нет и не может быть жестких границ. С точки зрения филогенеза и процесса окультурации человеком окружающего мира соматический код во многом предопределил пространственный, пространственный «наложился» на временной, в значительной степени его обусловив. Как мы с Вами увидим чуть позже, соматический код используется, например, для описания пространства, а пространственные отношения переносятся на временные. В сознании пространство и время неразрывно связаны, что находит свое отражение и в языке. Предметный код, в который входят и такие понятия, как, например, *дом, род, семья*, непосредственно связан с социальными отношениями. Причем связь эта представляет собой двунаправленную зависимость: предметный код «проникает» в социальные отношения, во многом их предопределяя, с одной стороны, и отражая — с другой, а соци-

альные отношения пронизывают многие базовые понятия предметного кода. Таким образом, предметный код в некоторой степени предопределяет и код духовный, первичен по отношению к нему.

В целом можно сказать, что существуют три основных объекта познания и описания, принадлежащие миру Действительность: 1) сам человек, 2) окружающий мир (пространство и заполняющие его предметы – в самом широком смысле), 3) время. Две небольших оговорки. Во-первых, познавая и осознавая себя, человек переходит к познанию и осознанию себя в мире себе подобных и, таким образом, вступает в мир людей. Во-вторых, осознание времени необходимо ему для того, чтобы разместить события на временной оси относительно друг друга.

Рассмотрим указанные коды культуры чуть более подробно.

Итак, **соматический (телесный) код**. В соматическом коде особое место занимают символичные функции различных частей тела. Например, в роли *символа человека* как такового или через его характеристику, признак могут выступать: *голова (считать по головам; ну, ты голова!)*, *плечи (на ее плечах лежала большая ответственность)*, *рука (не хватает рабочих рук; мастер – золотые руки; правая рука; он остался с маленьким ребенком на руках; отдам в хорошие руки; через мои руки проходит вся почта)*. Отмечу, что *рука* может выполнять функцию символа не только человека, но и *символа власти (взять регион в свои руки, держать в руках весь город), обладания (иметь в руках, получить на руки), инструмента (ручная работа)* и др.

Пространственный код связан с членением пространства. Собственно пространственный код трудно развести с соматическим кодом культуры в той части, которая касается устройства мира, поскольку многие антропоморфные метафоры (изначально принадлежащие коду соматическому) «обслуживают» пространственный код, свидетельствуя об определенном членении пространства. Посмотрим, как же соматический код наслаивается на пространственный и предопределяет пространственные представления человека и структурирование окружающего мира. Приведу всего несколько примеров.

Под рукой – в пределах досягаемости, в непосредственной близости; человек может воспользоваться предметом, не меняя своего местоположения в пространстве (*это всегда должно быть под рукой*).

Рукой подать – недалеко, близко, совсем рядом; человек может быстро добраться от начального пункта следования до конечного (как поется в песенке из популярного фильма: *Мне от Брайтон-Бич до Дерибасовской через океан подать рукой*).

Рассмотрим один из вариантов пространственной модели мира, созданной человеком, т. е. попытаемся разобраться в том, как выглядит окультуренное человеком пространство. Следует отметить, что окультуривание человеком окружающего мира и в филогенезе, и в онтогенезе

происходит, очевидно, параллельно с осознанием категорий «свой – чужой», с членением пространства на «свой» мир и мир «чужой».

Общая структуризация мира может быть представлена следующим образом:

1. *внутренний мир* человека, то, что находится внутри самого человека и ограничивается телесными границами; здесь очень важным оказывается соматический (телесный) код культуры, т. к. универсальными единицами измерения пространства с древнейших времен являлись параметры тела человека;
2. фрагмент внешнего по отношению к телу человека мира, который является «собственностью» человека, входит в его личное пространство, образуя *личную зону*;
3. фрагмент внешнего мира, выходящий за пределы личной зоны, но осознаваемый как *близкий, свой, родной*;
4. фрагмент внешнего мира, который воспринимается и осознается как *чужой, чуждый, враждебный*.

Внутренний мир располагается внутри телесной оболочки, представляет собой вместилище (локус) мыслей, чувств, эмоций и т. д. Особую роль здесь играют различные органы и части тела человека, главнейшими из которых являются *сердце и душа* как локус чувств (*в сердце закралась тревога, в душе шевельнулась жалость, скрепя сердце, камень на сердце, на душе, в глубине души*) и *голова* как локус мыслей (*в голову пришла мысль, держать информацию в голове, выскочило из головы*).

Личную зону очерчивают руки человека (см.: *под рукой, рукой подать*). Граница личной зоны проходит по той линии, которую могут провести руки. Таким образом, эта зона образует некий полукруг-овал: от боков и вперед. То, что находится за спиной человека, ему уже не принадлежит. Эта сфера находится вне зоны видимости, вне достижимости, вне зоны сознательного тактильного или визуального контакта. И раз она невидима и недостижима, то она неведома, непонятна и опасна. Здесь идет пересечение с миром чужих, миром мертвых. Кроме того, эти пространственные отношения, как мы увидим, переносятся и на отношения временные.

Важным мерилom мира, прилежащего к личной зоне, является *шаг* – минимальная единица, связанная с действием, с переходом за границу личной зоны, выходом во внешний мир. Это не так просто, как кажется, отсюда и возможность существования таких единиц, как *решишься на шаг, быть способным или не способным на тот или иной шаг* и т. д. (см. работы И. В. Захаренко).

Свой, близкий, родной мир – исторически связан в первую очередь с родной землей. За границами своего мира начинается мир чужих, исторически тесно связанный с миром мертвых.

Чужой мир находится, как правило, далеко, *за три девять земель, в тридевятиом царстве, в тридесятом государстве, у черта на рогах.*

Выскажу самую общую идею, почерпнутую мною из работ В. Я. Проппа: мир чужих, мир мертвых, тридевятое, «иное» царство в русской волшебной сказке «может лежать или очень далеко по горизонтали, или очень высоко или глубоко по вертикали». Но все-таки в русском пространстве доминантным, на мой взгляд, будет расположение по горизонтальной оси: мир чужих находится «за морем-океаном», «за лесами, за долами, за высокими горами». Отсюда и одна из базовых оппозиций: «родная земля – чужая сторона (страна)». Об этом же свидетельствуют и границы между миром живых и миром мертвых: поле, лес, река, горы, т. е. то, что само по себе может иметь вертикаль (как лес или горы), но располагается на горизонтали. В этой связи весьма интересными являются противопоставления «земля – страна», «свет – мир», «этот свет – тот свет».

Столь же важной в пространственной модели является оппозиция «верх – низ». По свидетельству В. В. Колесова, к началу древнерусской эпохи, к X веку, уже существовало в основном разработанное представление о вертикальном пространстве дома – от чердака до подвала, т. е. уже была некоторым образом на материале места обитания «овеществлена» оппозиция «верх – низ». Но эта оппозиция оказывается релевантной и для человека. В качестве примера приведу идиому *с головы до ног* (оглядеть, вооружить; испачкаться; одарить). Что мы можем получить, проанализировав данную единицу с точки зрения лингвокультурологического подхода? Во-первых, образ данной идиомы соотносится с архетипическим представлением человека в его вертикальном измерении и противопоставлением «верх – низ». Во-вторых, целостное восприятие в данном случае построено на древнейшем метонимическом приеме: человек в его целостном виде или состоянии измеряется неотъемлемыми его частями, которые для человека служат эталонами, т. е. мерой его вертикального измерения. Крайние точки этой шкалы могут быть представлены как *голова, макушка*, с одной стороны, и, с другой – *ноги, обувь, каблуки* или – как более точное определение нижней точки, точки непосредственного соприкосновения человеческого тела с землей – *пята (пятка)*. Другие единицы, изначально связанные с этим образом, типа *поставить, перевернуть с ног на голову*, свидетельствуют о принципиальной возможности экстраполировать представления о человеке на предметы внешнего мира (*они перевернули все в доме с ног на голову; с ним невозможно разговаривать: он вечно все переворачивает и ставит с ног на голову*).

Как мы уже с Вами говорили, пространственный код, реализующийся в том числе в антропоморфных метафорах, изначально принадлежит лежащим соматическому коду, неразрывно связан с кодом временным.

Во-первых, потому, что пространственные отношения накладываются на временные. Это обуславливается, очевидно, тем, что окультуривание пространства предшествовало осознанию категории времени. Во-вторых, потому, что пространство и время тесно связаны в сознании человека. Это проявляется, например, в использовании пространственных предлогов для выражения временных отношений (т. е. фактически имеет место погружение времени в пространственный контекст): *со дня на день, изо дня в день, время от времени, до поры до времени, через неделю, сквозь годы* и т. д. Кроме того, пространство может измеряться с помощью временных единиц, а время – с помощью единиц пространственной сферы: *в двух минутах отсюда, в трех часах езды; в шаге от победы, на краю гибели, за плечами годы работы.*

Временной код культуры фиксирует членение временной оси, отражает движение человека по временной оси, кодирует бытие человека в материальном и нематериальном мире, проявляется (в том числе) в отношении человека ко времени.

Современные русские движутся по временной оси лицом вперед, что закреплено в языке: то, что *за спиной, за плечами*, относится к прошлому, а то, что *на носу* принадлежит будущему (*за спиной опыт прошлых лет, годы учебы остались за плечами; на носу экзамены*). Это подтверждают и соответствующие жесты из языка глухих: показывая себе за спину (за плечо), человек относит описываемые события к прошлому, выражая тем самым грамматическую категорию времени или передавая значение «раньше».

А как мы воспринимаем время? Как членим его? Первое, что нужно отметить, это то, что мы можем делать со временем разные, в том числе и весьма неприятные, вещи: мы можем его *тратить, проигрывать и выигрывать, терять и находить, тянуть и подгонять*, вообще *не уважать, не считаться* с ним и даже *убивать* (отсюда и *битый час*).

Время для нас может быть недискретным: выступает просто как *время*, возможно в паре с *пора*: *время от времени, до поры до времени*. Но вместе с тем, время для нас и дискретно: в нем выделяются отдельные единицы измерения – от входящих в единую метрическую систему (например: *год, месяц, неделя, день, час, минута, секунда* и далее – *десятые, сотые* и т. д.) до достаточно «субъективных» единиц, обозначающих либо минимальные (*миг, мгновение*), либо максимальные промежутки времени (*век, вечность*).

Если мы говорим о «бытии» человека (как в мире Действительное, так и в мире Идеальное), то для нас окажется важным противопоставление мира, для которого релевантно реальное время, и мира «вневременного». Это противопоставление категоризуется и проявляется, в частности, в оппозиции «век – вечность». Остановимся на этом чуть подробнее.

Но сначала одна цитата: «В древней Руси разделяли “временные формы на те, которые выражают *бытие*, и те, которые выражают *предбытие*... Если выразить эти мысли современной терминологией, то... формы перфекта и будущего времени выражают действие, ограниченное во времени, в то время как формы аориста и настоящего времени выражают действие без отношения к границе времени, и поэтому они одни способны выражать действия, имеющие по теоретическим представлениям христианской религии атрибут вечности”². [...] Латинствующие не различали в своей литературной практике “бытия” и “предбытия”, бренности и вечности» (А. М. Панченко) (разбивка моя. — В. К.).

А теперь вернемся к паре «век – вечность».

В окультуренной человеком метрически-эталонной сфере *век* относится к временной сфере, являясь единицей точного измерения времени (100 лет, столетие, отсюда – *прошлый век*, XXI век). Поскольку этот период, как правило, превышает продолжительность жизни человека, век может обозначать период, объективно продолжительный, соотносимый с эпохой (*каменный век*, *Серебряный век*) или субъективно воспринимаемый как долгий (*Сколько можно тебя ждать? Я уже целый век здесь торчу!*). По данным АТРЯ³, век ассоциируется с прошлым и старостью (*мудрый, седой*).

По В. Н. Лосскому, мир в христианстве тварен (создан, сотворен Богом), т. е. имеет начало (и будет иметь конец). Век воспринимается как категория «тварного» (сотворенного) мира, связанная как с бытием самого мира, так и с жизнью человека (*на мой век хватит, повидал на своем веку, век бы его не видеть*). Будучи связан с человеком, бытием, тварным миром, век ограничен, он имеет начало и конец, ср.: *во веки веков* – во все время бытия мира, от его начала до его конца; *до скончания века* – до конца мира; *отныне и до века* – с этого мгновения и до конца мира (все эти выражения пришли из церковного дискурса и связаны с тварным миром). «Отправная точка» века – момент создания мира, начало его бытия (отсюда *от века – изначально*).

Таким образом, в русском языковом сознании век, с одной стороны, конечен (100 лет, эпоха, долгий отрезок времени, жизнь), а с другой – бесконечен (смыкается с вечностью).

Вечность также относится к окультуренной человеком метрически-эталонной сфере, являясь выражением неограниченно длительного, бесконечного периода времени. Изначально восходя к веку, вечность, по данным АТРЯ, обозначает то, что 1) есть после века (жизни), за пре-

² Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 116-117.

³ Ассоциативный тезаурус русского языка. Русский ассоциативный словарь. В 6-ти томах. Т. 1. М., 1996.

делами века; связана с *душой, духом, с памятью и забвением*, с противопоставлением *бытия, жизни и смерти, бессмертия*; 2) находится за пределами мира, жизненного пространства; ассоциируется с тем, что за горизонтом и чему нет конца, с *бесконечностью, неизмеримостью, с космосом, вселенной и звездами, с небом, Богом, чем-то неземным*; связана с противопоставлением *мира и пустоты*. Век нейтрален, вечность (за пределами «ареала» человека) аксиологична: может быть пугающей (ассоциируется с *мраком, опасностью, пустотой, горем*; может быть *страшной, туманной*), но, будучи связанной с Богом, она также может восприниматься возвышенно-позитивно (ассоциируется с *раем, истиной, счастьем, святостью*).

Восходя к библейскому дискурсу, вечность понимается в христианстве двояко: 1) как вечность сотворенного (тварного) мира, который имеет начало и будет иметь конец, здесь вечность выступает синонимом века; 2) как вечность Бога.

Отмечу, что во фразеологизмах, связанных с веком и вечностью отражено древнейшее представление о непосредственной связи пространства и времени. Так, во внутренней форме фразеологизма *от века* век в сочетании с предлогом *от* предстает как точка *отсчета, отправная* точка движения, в том числе и движения по временной оси. В образе указанного фразеологизма данное представление погружено в пространственный контекст (ср.: *навеки, на века, извечный*). Внутренняя форма фразеологизма *навеки вечные* содержит противопоставление и сочленение тварного и Божественного. Будучи погруженным в пространственный контекст, данное представление в сочетании с предлогом *на* указывает на продвижение вперед по оси времени (ср.: глагол движения + *на* спектакль, *на* выставку; *на* стадион).

Таким образом, анализируя конкретные фразеологизмы, мы нашли подтверждения высказанным ранее положениям: мы движемся по оси времени лицом вперед и время и пространство тесно связаны в нашем сознании.

Предметный код культуры – относится в первую очередь к миру Действительное и связан с предметами, заполняющими пространство и принадлежащими окружающему миру. Предметный код обслуживает, в частности, метрически-эталонную сферу окультуренного человеком мира.

Так, например, в русском языковом сознании *капля, капелька* – один из эталонов метрической сферы, самое малое количество чего-либо, соотносимого с жидкостью или жидкими субстанциями: *вода, море, озеро, океан, дождь – ливень – лужа, роса; кровь; вино, водка* (АТРЯ), ассоциируемая с такими единицами, как *крошка, малая часть, мизер, чуть-чуть* (АТРЯ). Отсюда и *до (последней) капли, и капля в море*. Существует древнейшее представление о чувствах, свойствах,

времени как о чем-то жидком, текучем: чувство может переполнить человека (*последняя капля переполнила чашу терпения*), может не остаться ни капли чувства (ср.: «Но Вы, к моей несчастной доле Хоть каплю жалости храня, Вы не оставите меня...», А. С. Пушкин, «Евгений Онегин»). Соответственно, в окультуренной человеком метрически-эталонной сфере капля – один из визуально освоенных универсальных архетипов сознания, имеющих принципиальное значение для принятия решения о наличии / отсутствии чувства или свойства: если осталась хоть капля какого-либо чувства (любви, жалости, страха), то есть и само чувство. Если в теле есть хоть капля крови, человек жив, поэтому и полное самопожертвование заключается в том, что человек отдает себя всего, без остатка, *до последней капли крови*: «Если играют в “ЧГК” [Что? Где? Когда?] – это должно быть достойно. Надо держать марку, класс, уровень. Либо играйте в интеллектуальные игры под другим названием. Мне подделки не нужны. Сейчас, после смерти Ворошилова, я буду за это биться до последней капли крови» (МК, 2001).

Как мы уже с Вами говорили, предметный код тесно связан с духовным кодом, в частности, через социальные отношения. Очень коротко покажу это на одном примере – на примере понятия *дом*. Сразу оговорюсь, что в данном случае я опираюсь на материалы словаря «Славянские древности» и исследования В. В. Колесова.

В родовом быту, как пишет Колесов, дом – это населяющие его люди. Позднее, в Древней Руси главным в образе *дома* было представление о хозяйстве, т. е. имуществе и богатстве, материальном обеспечении рода. В основе такого народного представления о доме лежит не понятие о здании, а понятие о чем-то *созданном, постоянном, общем* для всех «своих», которые объединяются кровом такого дома. В более позднее время дом – это здание, в котором скрываются люди, имущество, сама жизнь. Ср.: у В. И. Даля дом – родной кров, со всеми припасами (хозяйством), со всем населением, объединенным родственными узами. Таким образом, *дом* изначально так или иначе был связан с людьми, в нем обитающими.

Кроме того, понятие дома имеет принципиально важное значение и для оппозиции «свой – чужой». Дом – это место, где «свои». У современных русских сохранились не всегда осознаваемые и объяснимые рефлексивы древнейших представлений, связанных с домом. И сохранились они в некоторых стереотипах поведения: так, например, нельзя через порог здороваться или что-то передавать. Спросите у русского почему? Я не уверена, что все сразу и легко ответят на этот вопрос. Скорее всего ответ будет: «Не приятно». А почему не принято? А потому, что границы дома воспринимаются как граница между миром «своих» и миром «чужих». И не надо «нарушать» эту границу «всему», поскольку преодоление этой границы, по народным представлениям,

опасно для человека и требует особой регламентации и предупредительных мер. Кроме того, дверь и, прежде всего, порог – это объект и место магических действий, прежде всего – защитных. Отсюда и предметы-обереги, которые втыкаются или вешаются над дверью со стороны улицы (обломки серпов и кос, подковы и др.), и охранительные знаки, которые рисуются там же. Отсюда и неприятие некоторых действий, связанных с выходом за границы дома: *выносить сор из избы*, *уходить на ночь глядя* (в последнем случае, как показывают исследования И. В. Захаренко, работают еще и представления о ночи, также связанные с оппозицией «свой – чужой») и др. Но, как пишет Колесов, дом – это не всегда последняя черта, за которой начинаются «чужое»: родные в дому, близкие (дружина) во дворе. Двор – часть «большого дома» (хором). И если дверь – выход из дома во двор (относится к границе жилого пространства), то ворота – выход в мир (относится к границе между миром «своих» и миром «чужих»). Двор, имеющий ограду или хотя бы условное обозначение границы, защищает дом от вредоносных внешних сил. Но вместе с тем двор примыкает к внешнему, «чужому» миру, представляет собой пространство, в котором может стираться граница между «свои» и «чужим» мирами, а потому может быть опасным для живущих в доме, особенно в определенное время и в некоторые календарные периоды. Со временем представление о «своих» из дома («вышло») во двор, а затем – и за пределы двора. Важным для нас оказывается то, что «конкретность славянского мировосприятия не делала разницы между разными степенями отвлеченности в представлениях “дома” как совокупности зданий и как населяющих здания лиц» (В. В. Колесов).

Биоморфный код культуры связан с живыми существами, населяющими окружающий мир. Данный код культуры отражает представления человека о мире животных, о растительном мире и о мире бестиариев, который находится в пограничной зоне, пересекаясь с двумя указанными мирами. Этот код культуры связан в первую очередь с бытующими стереотипами.

Как биоморфный код культуры бытует в языковом сознании и проявляется в языке и дискурсе? Рассмотрим два конкретных зооморфных примеров⁴: *змея* и *лошадь*.

Змея. Это один из ключевых персонажей в системе представлений о животном мире, отражает основные характерные особенности гадов. Змея – неоднозначный персонаж: она сочетает в себе мужскую и женскую, водную и огненную символику, отрицательное и положительное начала («Жена да муж – змея да уж», В. И. Даль); она ядовита и целеб-

⁴ Представленные в статье комментарии составлены на основе материалов словарей и энциклопедий, указанных в списке литературы.

на. Змея – и нечистая тварь, и источник зла, но в то же время она может помогать человеку. В Библии змея выступает как олицетворение сатаны (Быт. III, 1 и след., II Кор. XI, 3, Откр. XII, 9, 14, 15), отличается хитростью (Мф. X, 16), злобой (Мф. XXIII, 33), свирепостью (Пс. LVII, 5, Притч. XXIII, 32) и коварством (Быт. XLIX, 17). Но в то же время отправиться в пустыню Моисею помогает жезл, превратившийся в змею и обратно.

О каком стереотипе змеи у современных русских можно говорить? Змея холодна, лишена эмоций и добрых чувств, обладает магическим взглядом немигающих глаз, который завораживает жертву и вызывает ее оцепенение. Бытует представление о ее необыкновенной живучести: убитая змея якобы может оживать. Это представление восходит к физиологической особенности змеи (она периодически сбрасывает кожу). Бытующее о змее представление помещает яд в змеиный язык – *жало* (< жалить), который и считается смертельно опасным. Готовясь к нападению, змея издает звуки, похожие на шипение. Под влиянием христианства З. приписывается нечистая, дьявольская природа. Змея коварна, мстительна, неблагодарна и опасна, может нанести неожиданный удар (*пригрел змею на своей груди, змея подколотная*). Иногда змее приписывается мудрость («И жало мудрыя змеи в уста замершие мои вложил десницею кровавой.» А. С. Пушкин).

Современные русские могут обращаться к образу змеи при характеристике: 1) коварного человека, способного на предательство, холодного, расчетливого («Подозреваемую в убийстве... – повторила про себя женщина. – Уж не ту ли молодую красавицу, которую Маяковский этим утром привез к себе? Так, кроме нее, у него сегодня вроде никого и не было... Значит, эта *змеюка* и застрелила жильца. Хорошо еще, что сбежать не успела. Ну ничего, следователи ее выведут на чистую воду. От правосудия она не отвертится...», АиФ, 2001); 2) человека по его отношению к окружающему миру (*не язык, а змеиное жало*); 3) человека по его поведению в определенных ситуациях, соотносимому с поведением змеи (*ну, зашипела, [как] змея*); 4) предмета, чувства, эмоции, уподобляемых змее, или ситуации, которая вызывает ассоциации с одним из проявлений змеи («И в сердце ее *холодной скользкой змейкой* заползла тревога.» М. Юденич, Стремление убивать). В современном русском языке существует целый ряд выражений, связанных со змеей, например: *змея подколотная, зеленый змий, змей (змий)-искуситель, мудрый змий, пригреть змею на груди*.

Лошадь (конь). Это одно из самых мифологизированных животных. Подобно многим другим животным, конь амбивалентен: связан одновременно и с плодородием, и со смертью. Издревле использовался как основное транспортное животное, в силу чего воплощает связи с потусторонним миром, воспринимается как проводник на тот свет. В сказках

конь часто выступает не только как атрибут положительного героя, но и как его помощник (например, Сивка-Бурка). Может представлять как вещее животное (легенда о коне Ивана Грозного, павшем в Пскове, после чего царь отказался от расправы над псковичами). Он может нести смерть своему хозяину: змея, выползшая из черепа коня, убивает героя («Повесть временных лет»; «Песнь о Вещем Олеге» А. С. Пушкина). Вместе с тем, конь и особенно всадник – герой или святой – выступают основными противниками змеи как воплощения зла (см. иконы «Чудо Георгия о змие»). Конь белый или огненный – атрибут Ильи-Пророка, разъезжающего по небу, соответственно, гром – топот копыт и ржание коней. Всадники Апокалипсиса появляются также на конях четырех мастей (Откр. VI, 2-8). Конь может осознаваться и как символ счастья (отсюда и конек на крыше деревянного дома; см. также песню А. Розенбаума о «сером в яблоках коне»). От прежних магических представлений, связанных с конем и лошастью, сохранилось устойчивое представление о подкове, приносящей счастье, удачу.

Стереотипный образ лошади и коня многогранен. С одной стороны, это – грациозное, сильное, свободное и быстрое животное, с длинной гривой и хвостом (отсюда и вид прически – *конский хвост*). Конь (лошадь) и особенно жеребенок радуется свободе и просторам. С другой стороны, лошадь воспринимается как рабочая сила (аналогично волу). Лошадь (конь) издает особые звуки – ржание (*ржать как лошадь*). У этого животного крупные зубы (отсюда *лошадиная улыбка, лошадиная физиономия*).

Современные русские могут обращаться к образу этого животного при характеристике: 1) девушки или молодой женщины, крупного телосложения, крепкой и сильной физически (*лошадь, кобыла*); 2) человека, во внешности которого обнаруживается сходство с чертами лошади (*лошадиная физиономия*); 3) человека, в поведении которого проявляется радость от свободы движения (чаще обращения к образу *жеребенка*) («Резкая, размашистая Таня двигалась шумно, с невоспитанной свободой *жеребенка*. Садясь за парту, она сдвигала ее так, что Яся слегка подпрыгивала своей легкой головкой.» Л. Улицкая, Сонечка). В современном русском языке существует целый ряд слов и выражений, связанных с образом лошади, коня, например: *быть на коне, въезжать / въехать на белом коне, жеребец, ломовая лошадь, лошадиная доза, лошадиная сила, работать (пахать) как лошадь, рабочая лошадка, (старая) кляча, темная лошадка*.

В целом можно утверждать, что зооморфный мир дал нам определенную, очень богатую систему эталонов: *осел* – упрямый, *баран* – упрямый и глупый, *курица* – глупая, *овца* – покорная и глупая, *лиса* – хитрая, *змея* – коварная, *бык* – здоровый и сильный, *медведь* – неуклюжий и сильный, *волк* – хищный, голодный, одиночка, *крыса* – отвратитель-

ная, опасная, *паук* – противный, коварный кровосос, *муха* – надоедливая, *рыба* – молчаливая, холодная и т. д. и т. п.

Подобным образом «ведут себя» и представители растительного мира. Посмотрите, какое место в русской (и шире – в славянской) культуре занимает, например, *дуб*. В традиционной культуре славян дуб – самое почитаемое дерево, занимающее первое (во всех смыслах) место в славянском дендрарии (*Царь Дуб*), одно из самых значимых в культуре (не случайно, кстати, у А. С. Пушкина, воспитанного Ариной Родионовной на русских сказках, «у Лукоморья» именно «дуб зеленый», а не какое-то другое дерево). Дуб с древнейших времен воспринимался как культовое дерево, служил местом совершения языческих и христианских обрядов. Существовал строгий запрет рубить священные дубы, нарушение этого запрета грозило серьезными неприятностями и несчастьями не только самому «злоумышленнику», но и вообще всем живущим поблизости. Дубы считались местом обитания мифологических персонажей (ведьм, русалок – вспомним Пушкина: «*русалка* на ветвях сидит» на дубе у Лукоморья), пограничем между миром «своих», миром живых и миром «чужим», миром потусторонним. Но в первую очередь дуб связан с богом-громовежцем (Перуном). В фольклоре дуб выступает в образе трехчастного мирового дерева, моделирующего вселенную с ее тремя мирами. Дуб, стоящий, например, на острове, на горе, посреди океана, обозначает центр мира, сам мир и идеальный иномир. Рядом с дубом или на нем находятся царь, царица, Бог, Богородица и святые, а в его корнях или на листьях лежит змея. Сам дуб соотносится с верхним миром, ему приписываются положительные значения. Как мировое дерево дуб связан с рождением и смертью (см. *дать дуба, гроб дубовый*). Отсюда и широкое использование дуба в похоронных обрядах, и ряд запретов (например, запрет сажать дубы, что связано с представлением о том, что дуб, сравнявшись по высоте с человеком, забирает его силы и в конце концов приводит его к смерти). Дуб связан с мужской символикой, выступая символом мужского начала (в то время как береза – женского). Помимо этого дуб символизирует силу и крепость (в свое время считался едва ли не самым крепким деревом). Правда, твердость и негибкость этого дерева сыграли с ним злую шутку: сегодня «дубом» русские называют непроходимо глупого человека.

Важную роль в русской картине мира играют и другие деревья: береза, ива, верба. Из этого «древесного мира» мы тоже получили некоторые эталоны (например, *крепкий как дуб, молодой дубок, стройная как березка*). Не меньшее значение имеют и травы и цветы: и обжигающая *крапива*, и *роза*, нежная и колючая красавица, и *ромашка* (наивная «девочка-ромашка»), и *василек* (васильковый цвет), и мак (маков цвет), и другие.

Бестиарии принадлежат «вторичной реальности» русского фольклора и входят в действительность, являясь неотъемлемыми элементами культурного пространства. Подобно представителям мира флоры и фауны, бестиарии не только бытуют в культуре как персонажи и/или элементы фольклора, но и обладают стереотипами, что делает возможным апеллирование к их образам в дискурсе. Приведу только один пример.

Домовой – один из древнейших мифологических персонажей. Это домашний дух, хозяин и покровитель дома, обеспечивающий нормальную жизнь семьи, здоровье людей и животных, плодородие. Исторически он связан с домашним скотом (лошадьми, коровами и т. д.), он может «обеспечивать» его благополучие, здоровье и плодовитость, а может и мучить животных, если они ему чем-то не нравятся. У домового, который, как правило, является мужским образом, могут быть и парные женские образы: или жена и дочь, или самостоятельная хозяйка дома.

Домовой – старик, небольшого роста, с бородой. Существует поверье, что в богатом доме домовый лохматый, а в бедном – лысый. У домового ладони и подошвы покрыты шерстью. Бытует представление, что домовый есть в каждом доме, причем даже в современном доме, в городской квартире.

Обычно домовый невидим. Он показывается как предвестник будущего: может предупреждать об опасности, отводить беду от дома. Как правило, появляется во сне или при гаданиях. Если предвещает добро, он смеется, гладит лохматой или теплой рукой, если же он предупреждает о чем-то плохом, то воет, стучит, хлопает дверями, гладит холодной или голой рукой.

Домовой изначально не враждебен человеку и не представляет опасности для живущих в доме. Если он любит семью, с которой он живет в одном доме, он помогает по хозяйству, заботится о животных, предупреждает об опасностях и охраняет дом. Но если его рассердить, то он может и вредить (например, бить посуду, прятать вещи, шуметь и т. д.). Чтобы не ссориться с домовым, нужно соблюдать определенные запреты и предписания (например, членам семьи нельзя ругаться и ссориться, нельзя занимать его любимое место и т. д.). Хорошо делать ему подарки и подношения (например, молоко, конфеты).

С домовым связаны некоторые ритуалы и стереотипы поведения. Например, если в доме потерялась какая-то вещь, нужно сказать: «Сам, сам, поиграй да отдай». Считается, что после этого потерянная вещь находится сама собой. До сих пор, переезжая в новый дом или новую квартиру, русские первой в новое жилище запускают кошку. По поверьям, именно кошка связана с домовым: она легко находит с ним общий язык, и именно на кошке он въезжает в новое жилище. Кстати, домовый не может покинуть свой старый дом без приглашения, поэтому, когда семья меняет место жительства, она должна позвать с собой и своего до-

мового, иначе он, оставленный в старом доме, будет плакать и мстить новому хозяину дома, а семью, которая не позвала домового, ждут всякие несчастья. Есть и еще одна традиция: когда начинают строить новый дом, то в основание дома, в его фундамент кладут монетку как своеобразный подарок домовому, который в этом доме будет жить.

Современные русские вспоминают домового, если в доме неожиданно «пропадают» какие-то мелкие предметы или раздаются странные звуки. Например, при рассказе о загадочно исчезнувших вещах русский может сказать: «*Домовой шалит*».

И наконец, последний из предложенного списка код культуры, на который фактически «работают» все коды, рассмотренные только что, — **духовный код культуры**. Его составляют нравственные ценности и эталоны и связанные с ними базовые оппозиции культуры, такие, как, например: «добро — зло», «хорошо — плохо», «плюс — минус», «верх — низ». Этот код изначально аксиологичен. Он пронизывает все наше бытие, обуславливает наше поведение и любую деятельность, предопределяет оценки, даваемые себе и окружающему миру. Этот код заслуживает отдельного большого разговора, поэтому в данной статье я позволю себе не останавливаться на нем сколь-нибудь подробно, отложив на будущее его рассмотрение.

Итак, коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задает эталоны культуры. Надеюсь, что приведенные (хотя и не слишком многочисленные) примеры смогли это некоторым образом проиллюстрировать. Все представленные коды культуры задают и предопределяют метрически-эталонную сферу, участвующую в структуризации и оценке материального мира.

И последнее. Данная статья никоим образом не претендует на то, чтобы раз и навсегда ответить на все вопросы, связанные с рассмотренными проблемами. Напротив, я приглашаю к разговору всех коллег, кого интересует серьезное научное обсуждение лингвокультурологической темы.

Л и т е р а т у р а

1. *Библейская энциклопедия*. М., 1891 (репринт — 1990).
2. *Бидерман Г.* Энциклопедия символов. М., 1996.
3. *Колесов В. В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.
4. *Левкиевская Е.* Мифы русского народа. М., 2000.
5. *Панченко А. М.* О русской истории и культуре. СПб., 2000.
6. *Полный православный энциклопедический словарь*. В 2-х тт. М., 1891 (репринт — 1990).
7. *Пропп В. Я.* Морфология сказки. М., 1969.
8. *Славянские древности*. Этнолингвистический словарь. / Под. ред. Н. И. Толстого. В 5-ти тт. Т. 1, 2. М., 1995, 1999.
9. *Топоров В. Н.* Предистория литературы у славян. Опыт реконструкции. М., 1998.